

**ДОБЫЧА ЗОЛОТА —
ОДИН ИЗ ДРЕВНИХ ПРОМЫСЛОВ
ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ**

Добыча золота на реках Припамирья практиковалась еще в древности, о чем сообщают ранние средневековые арабоязычные географы. «По Ибн-Русте, на Ваххабе (одно из древних названий Пянджа. — Авт.), вытекавшем из Тибета, находились золотые россыпи, в которых добывалось золото небольшими кусочками, величиной с булавочную головку. Несомненно, на эту же местность указывает предание, сообщаемое Ибн ал-Факйхом, по словам которого, между Хорасаном и Индией имелась область, в которой находились муравьи, величиной с борзых собак; область эта была страной золота; люди, приходившие искать это золото, из боязни этих муравьев и чтобы отвлечь их внимание, бросали им мясо, сами же брали в это время золото и затем удалялись... Предание, сообщаемое об охраняющих золото муравьях, несомненно тождественно с известным сказанием о муравьях, роющих золото, сохраненным у Геродота (III, 102—105)... Индийцы, собирающие это золото, относятся Геродотом к населению Кабулистана; Страбон определяет их местообитание еще точнее — он называет их Дардами, т. е. обитателями Дардистана, местности в ближайшем соседстве с Ваханом»¹.

Ибн-Хордадбех дает описание промывки золотоносного песка на берегах Джейхуна (Пянджа) местными жителями в IX—X вв. На берегу раскладывали козьи шкуры шерстью вверх и закрепляли колышками. На них беспрерывно лили воду, зачерпываемую из реки. Когда на шкуре собиралось достаточно песка, ее выставляли на солнце для просушки. Затем песок ссыпали на кожаную скатерть и, потряхивая ее, отделяли золото — очень чистое, красного цвета, по форме напоминающее рыбы чешуйки².

В дореволюционной русской литературе также имеется немало сведений о добыче золота в Восточной (горной) Бухаре³. Особый интерес к этому вопросу возник в конце XIX в. в связи с арендой инженером

¹ К. А. Иностранцев, Река Ирэн-Вэджа в парсийской традиции, «Известия Российской Академии наук», 1917, стр. 894 (отдельный оттиск).

² «Bibliotheca geographorum arabicorum», т. VI, стр. 178—180. О промывке золота в раннем средневековье жителями Хуттала (юго-западный Таджикистан) и о находке золотых самородков в Шикингане (Шугнан), Вахане и Раште (Каратегин) сообщается в труде: А. Бируни, Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия), Л., 1963, стр. 222, 223. Обзор исторических сведений о добыче золота в Горно-Бадахшанской автономной области и в других местах южного Таджикистана см.: М. Е. Массон, Из истории горной промышленности Таджикистана, «Материалы Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г.», вып. XX, Л., 1934, стр. 11—15, 37—39.

³ См., например, статьи в газете «Туркестанские ведомости», 1876, № 41; 1897, № 49; 1906, № 9, а также: А. Борнс, Путешествие в Бухару, М., 1848, ч. III, стр. 238; «Золотопромышленность в Туркестанском крае», сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 183—193; И. П. Миннаев, Сведения о странах по верховьям Амударьи, СПб., 1879, стр. 53; Л. Ф. Костенко, Туркестанский край, СПб., 1880, т. III, стр. 182, 183; Д. П. Логофет, Страна бесправия, СПб., 1909, стр. 78—82; А. Шишов, Таджики, М., 1911, стр. 209—213.

Г. Журавко-Покорским у бухарского правительства (при содействии русских властей) золоторазработок по горным речкам Бальджуанского бекства (Сафеддаринские прииски). Однако из-за отсутствия необходимого капитала и противодействия со стороны местных бухарских чиновников, заинтересованных в скупке золота у местного населения, Журавко-Покорский не смог развить дело, а само предприятие было вскоре ликвидировано⁴.

В литературе есть сведения о золотосодержащих конгломератах Восточной Бухары, кустарных способах добычи золота, организации артелей, повинностях, которыми облагали старателей бухарские власти, следах древних разработок золота и т. п. Отмечается, что разработка золота кустарным способом велась в горном Таджикистане повсеместно — по Зеравшану, рекам Ях-Су, Хингоу, Пянджу. Золотосодержащая порода — конгломераты, состоящие из обкатанных галек и обломков валунов гранита, диабазы, кварца и других пород, связанных глинисто-песчаным цементом или одной глиной. Цвет конгломерата изменяется от серого до красноватого. Золото, по мнению местных жителей, находится в цементе серого конгломерата. Прежде золото извлекали главным образом из золотосодержащего песка, оседавшего на берегах рек. Но там, где берега состоят из золотосодержащих конгломератов, велись открытые разработки и самих конгломератов, а иногда устраивались даже примитивные штольни. Ныне золотосодержащие пески, имеющие промышленное значение, лежат, по-видимому, ниже современного уровня рек⁵.

Добыча золота из золотосодержащего речного песка происходила в горном Таджикистане еще в середине 30-х годов нашего столетия. В начале 30-х годов авторам удалось наблюдать золотодобычу в истоках р. Хингоу и на ее притоке — речке Сари-Об, записать процесс производства, сделать ряд фотографий и зарисовок. Река Хингоу и оба ее истока — Оби-Арзынг и Оби-Мазор, питающиеся водами огромных ледников, несут крупинки золота, отлагая их на берегах и речных косах. По-видимому, действием ледников следует объяснить тот факт, что иногда золото встречается в виде тонких пластинок (так называемое шлиховое золото). Некогда эти реки отлагали золотой песок и на древних террасах, поднятых теперь на десятки метров над уровнем реки. На террасах имеются следы довольно древних разработок золота — каменные отвалы, штольни, подземные ходы. Народная молва связала эти разработки с именем Чингисхана, который, покорив несметное число народов, будто бы заставил их работать здесь и вывозил отсюда золото в бурдюках из бычьих шкур.

Население кишлаков, расположенных в верхнем течении Хингоу, так называемые вахиочи (от названия местности Вахио-Боло) были искусными и признанными старателями. Суровая природа, недостаток земли и скота с незапамятных времен заставляли вахиочей заниматься отходничеством и различными промыслами, среди которых не последнее место занимала золотодобыча. Свои навыки вахиочи передавали из поколения в поколение и славились в Таджикистане и даже в соседних странах как непревзойденные мастера-золотодобытчики. Они были искусны не только в технике промывки, но и умело отыскивали золотосодержащие пески. Организованный в начале 30-х годов государственный трест «Таджикзолото» нанимал именно вахиочей мастерами и инструкторами по золотодобыче и направлял их во все другие районы горного Таджикистана, где

⁴ Рок-Тен, Золотые прииски в Бухаре, газ. «Туркестанский курьер», 1910, № 169, 170; Б. И. Искандеров, О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв., Душанбе, 1958, стр. 53—73.

⁵ А. Шишов, Указ. раб., стр. 210, 211. Из специальных работ по распространению золотосодержащих пород и их связи с геологией горного Таджикистана см.: И. И. Бездека, Месторождения полезных ископаемых Таджикской Республики, сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 245—266; «Таджикская комплексная экспедиция АН СССР 1932 г.», Л., 1933 (раздел «Работы по золоту»).

велась промывка золота, в частности в соседние Дарваз (долина Пянджа) и Каратегин (долина Сурхоба).

В Бухарском ханстве добыча золота вахиочами, как и другими группами населения, облагалась специальным налогом. Каждое хозяйство вносило в эмирскую казну по одному *тилло* (об этой единице см. ниже) золота в год. В Вахио-Боло таким налогом облагались все хозяйства независимо от того, промышленяли они добычей золота или нет. Замена сдаваемого золота каким-либо эквивалентом не допускалась. Помимо уплаты этого налога, бухарские чиновники, духовенство и баи заставляли население добывать золото и для себя лично как путем внеэкономического принуждения, так и путем различных кабальных соглашений.

Сезон промывки золота начинался ранней весной, обычно в марте, как только берега рек освобождались от снега и ледяной корки. Мастер собирал свою артель, в большинстве случаев состоявшую из трех рабочих—*мар*. Чаще всего артель складывалась по родственному принципу, и ее состав был более или менее постоянным: объединялись мужчины двух-трех родственных семей или же одной большой семьи⁶. Заранее договаривались, с какого дня приступят к работе. Работу по золотодобыче называли *кори сангоу*, что буквально значит «работа на каменистом берегу реки». Название *тиллоков* (добыча золота) редко можно было услышать из уст старателя. По-видимому, здесь действовал своеобразный профессиональный запрет. Произнесение слова «золото», по поверью, могло повредить успешной добыче.

После сборов артель выходила на место работы—берег реки вблизи родного кишлака, но иногда уходила в соседние районы, километров за 150 и более, через горные перевалы. В последнем случае артель в течение одного-двух месяцев пользовалась гостеприимством какой-либо кишлачной мечети⁷: в горном Таджикистане помещение мечети служило и своеобразной гостиницей.

Из кишлака Сангвор (центра Вахио-Боло) в начале марта артели золотоскателей уходили в соседний Дарваз на р. Пяндж, долина которой лежит значительно ниже верховий Хингоу, на высоте 1000—1200 м над уровнем моря (высота же кишлака Сангвор около 3000 м). И хотя весна в Дарвазе наступает значительно раньше, пробираться туда приходилось через высокий перевал Висхарви в Дарвазском хребте (высота свыше 4000 м), покрытый еще в это время года глубоким снегом. Старатели шли снежной целиной, налегке, в особой обуви из грубой кожи—*мукки*, имея за спиной лишь инструменты и немного продуктов⁸. В марте снег днем подтаивает, а ночью схватывается морозом и покрывается ледяной коркой. Такой снег местные таджики называют *қатқун*.

Несколько позже артели из Вахио-Боло направлялись на северо-восток, на реку Мук-Су, в район киргизских кочевков. Они шли через перевал Сагун (или Кыргыз), подъем на который начинался от самого высокого по течению Хингоу кишлака Пашимгар; этот перевал тоже труд-

⁶ Горный инженер Михайлов, обследовавший прииски в Дарвазском, Кулябском и Бальджанском бекствах в 1897 г., писал: «Прием в артель делается с согласия всех ее членов, каждый получает равную долю добытого золота, независимо от рода работ; существует обычай, в силу которого никто не имеет права нанимать рабочего за себя, а должен участвовать в работе артели личным трудом» («Туркестанские ведомости», 1897, № 49). Эти сведения подтверждаются и нашими наблюдениями.

⁷ Упомянутый инженер Михайлов отмечает («Туркестанские ведомости», 1897, № 49), что право на разработку приисков, на известной реке, хотя и не санкционированное законом, принадлежало исключительно жителям расположенных на ней или на ее притоках селений. Однако в 30-х годах нам не приходилось слышать о таком «праве», да и по рассказам стариков они и в прежнее время промышленяли золото на «чужих» реках.

⁸ Обычно родные давали каждому старателю в дорогу сдобные лепешки *кулча*, сдобное печенье *орзук*. Старатель получал также одну или две пары шерстяных носок местной вязки—*чуроб*.

непроходимый, однако для вахиочей такой путь был обычным делом. Так, нам рассказывали, что один подросток из кишлака Пашимгар ежегодно уходил с артелью на Мук-Су и затем в одиночку раза два в течение рабочего сезона возвращался в кишлак за продуктами для артели.

Для промывки золота на берегу Хингоу устанавливался деревянный станок *сргана*, состоявший из двух параллельных изогнутых брусез, концы которых спереди упирались в землю. Параллельно брусам настилались тонкие жерди, соединенные между собой и с брусками тремя или четырьмя рядами веревки наподобие циновки из тростника. Задняя приподнятая часть станка опиралась на четыре ножки, из которых две, ближние к середине, были приставные, с развилками на концах. На станок клали небольшой коврик из овечьей шерсти — *плас*. На нем-то и производилась промывка золотоносного песка.

Приспособление для промывки золота на р. Сари-Об было несколько иным. Предварительно на берегу, перпендикулярно к течению реки, делали невысокую, прямоугольной формы земляную насыпь с небольшим наклоном к реке. На эту насыпь — *цои сарикор* (букв. «место станка») клали шерстяной коврик, называвшийся здесь *вол*. Поверх коврика ставили станок — *чапарак*, состоявший из двух продольных дощечек (длинной до 75 см каждая) и двух поперечных (до 35 см каждая). Все они вместе образовывали раму. Внутреннее пространство рамы было забрано тонкими прутьями (числом до 40), идущими параллельно и закрепленными в углублениях на внутренней стороне продольных дощечек. Для прочности поперечные дощечки скреплялись деревянной планкой, проходившей через их среднюю часть. В отличие от старателя, работавшего на станке, применявшемся в верховьях Хингоу, сариобский старатель промывал золото сидя на земле и поджав под себя ноги.

Кроме этих станков, при промывке золота употреблялся как в Вахио-Боло, так и на р. Сари-Об, еще ряд орудий. Для черпания воды применялся особый сосуд *кадү*. Он представлял собой срезанную наискось половину тыквы-горлянки, через стенки которой продевалась деревянная палка длиной до 1,2 м. Она пропусклась через обе стенки тыквы насквозь и служила рукояткой — *даста*. Чтобы тыква не соскакивала с нее, конец палки обертывался несколько раз веревкой — *банд*, концы которой связывались. Веревка, в свою очередь, удерживалась на рукоятке деревянной чекой или гвоздем — *мех*.

Для смахивания мелких камней с коврика служила деревянная палочка *хасрү*, 60 см в длину и 10 см в обхвате. Один конец ее был заострен, а другой — утонченный — служил рукояткой. Для отворачивания камней, лежащих на поверхности песка, употреблялось кайло — *рында*. Оно имело деревянную рукоятку длиной до 65 см. Серпообразный заостренный с обоих концов железный стержень закреплялся в отверстии рукоятки лоскутками кожи. Мотыгой — *калэнд* откапывали песок и накладывали его в лоток. Деревянная рукоятка мотыги была длиной около 50 см. На одном из ее концов крепилась железная лопаточка размером 15×8 см, поставленная под прямым углом к рукоятке. Песок подносили в деревянном плоском прямоугольном лотке — *новá* или *регкши* размером 35×50 см. Одна из длинных сторон имела бортик. Промывали песок в мелком деревянном блюде — *табáк*, имевшем овальную форму, размером 45×50 см. Снизу блюда имелось кольцо, закрепленное металлическими скобками, служившее для переноски. Золото собиралось в *кошкáк* — небольшую деревянную корбочку без крышки, прямоугольной формы, с утолщенной верхней частью. Иногда кошкак заменялся срезанным концом рога животного, высотой 6—7 см. Обычно кошкак сверху затыкался чистой тряпочкой.

Все перечисленные орудия и кошкак изготовлялись самими старателями из местного материала. Исключение составляли коврики, которые вырабатывались специальными ткачами.

Рис. 1. За промыванием золота на деревянном станке ергана (колл. МАЭ, № И 58-138).
Это и остальные фото выполнены С. М. Абрамзоном

Рис. 2. Промывание золота на деревянном станке чапарак (колл. МАЭ, № И 58-143).

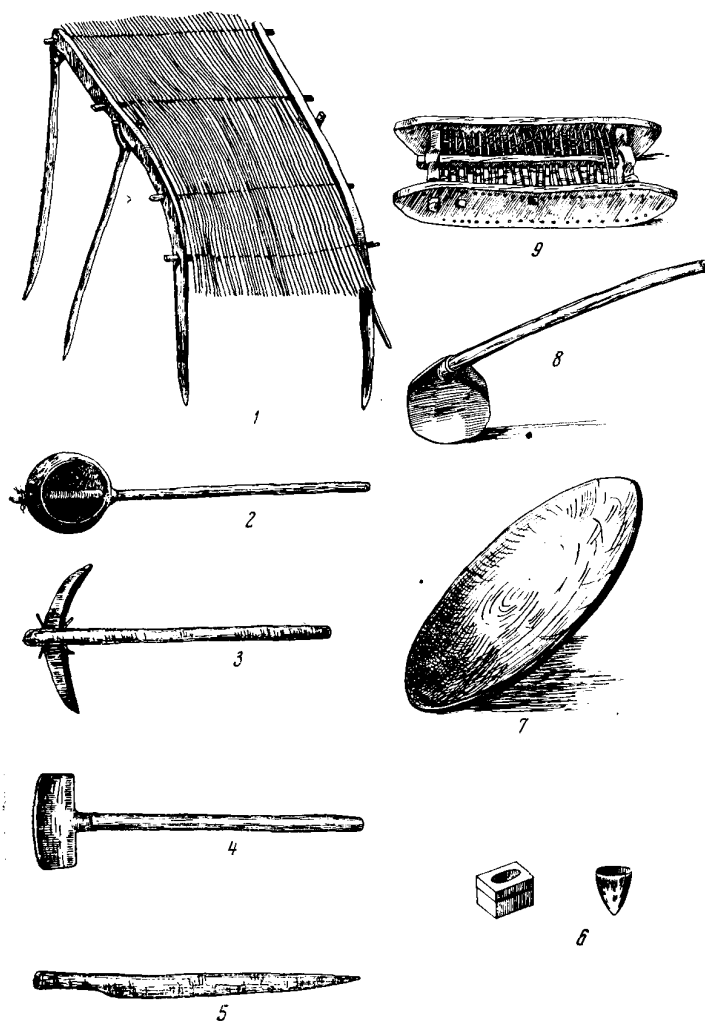

Рис. 3. Инструменты, применявшиеся на золотых промыслах: 1 — ергана; 2 — кадú; 3 — рындá; 4 — калáнд; 5 — хасру́; 6 — кошкáк; 7 — табáк (1—7 рисунки Н. А. Кисляковз); 8 — калáнд (колл. МАЭ № 5097-19); 9 — чапарак (колл. МАЭ № 5097-20);

Процесс промывки золота происходил следующим образом. Станок — ергана устанавливался на берегу реки у самой воды таким образом, что передние ножки его слегка погружались в воду или находились у самой воды; благодаря такому положению вода со станка стекала прямо в реку. На станок клали коврик. Мастер стоял возле станка, держа в одной руке черпалку, а в другой палочку. Его помощники непрерывно накладывали песок с помощью мотыги на лоток и вываливали его на верхнюю часть коврика. Если при выборе песка встречались камни, то их удаляли при помощи кайла, откатывали в сторону. Зачерпывая черпалкой воду из реки, мастер лил ее на находившийся на коврике песок, который скатывался вместе с водой в реку, а мелкие камешки (галька), попадавшие на коврик вместе с песком, мастер осторожно смывал палочкой. Песчинки золота, имевшие больший удельный вес, застревали в ворсе и нитях коврика, как и некоторое количество песчаного осадка. Такая промывка длилась обычно несколько часов, после чего коврик

складывали⁹ и клали на деревянное блюдо, которое затем погружали в воду в небольшом речном заливчике, где не было течения, или в специально устроенный небольшой бассейн. Поднимая осторожно, складка за складкой, коврик с блюда, его тщательно обмывали и трясли, чтобы все содержимое, включая и крупинки золота, осталось на блюде. Затем мастер легкими вращательными движениями (в блюде оставляли немного воды), отделял золото от оставшегося песка, небольшим покачиванием и наклоном блюда очищал его от этих примесей. Золото оставалось на дне блюда. Затем, наклонив блюдо и слегка постукивая по нему, мастер собирал золотые крупинки и осторожно осыпал их в кошкак.

Выработку песка вели длинной траншеей, идущей параллельно течению реки. Эти выработки были столь характерны, что проезжая берегом, можно было сразу определить, где производилась недавно промывка золота.

Издавна счет золота шел на так называемые тилло — весовые единицы, известные также как *мисқол*. Одна такая единица равнялась приблизительно 4,76 г. Таким образом, фунт содержал 84 мискола и последний был несколько тяжелее золотника. Цена одного тилло (мискола) золота обычно колебалась, но в среднем он стоил 5 рублей¹⁰. Счет шел также и на более мелкие единицы — *нахўд* (букв. «горошина»), каждая из них расценивалась в 34 копейки.

Как нам лично удалось наблюдать, старатели приносили золото на приемный пункт в так называемых *фурук* — кусочках тонкой оболочки желудка какого-либо животного. Обычно золото заворачивали в два таких фурука и завязывали ниткой. Взвешивание золота производилось на маленьких (аптекарских) весах, вместо гирек употребляли хорошо выверенные по весу камешки и кусочки металла.

Как отмечали еще дореволюционные авторы, причина сравнительно широкого развития кустарной добычи золота в горной Бухаре, несмотря на ее малопродуктивность при существовавших примитивных приемах и орудиях, заключалась в том, что в силу местных природных условий население не могло прокормиться одним земледелием¹¹. Учитывая это обстоятельство, вскоре после освобождения края от басмаческих банд и установления Советской власти на местах было решено придать золотодобыче организованную форму, с тем чтобы покончить раз и навсегда с безудержной эксплуатацией и закабалением старателей, как это было в эмирате. Кроме того, нужно было поставить дело золотодобычи на подлинно советскую трудовую основу, объединить старателей, обеспечить их труд эквивалентным вознаграждением, снабдить их необходимыми материалами и остродефицитными по тому времени товарами, улучшить условия работы путем введения ряда технических усовершенствований, а заодно и начать работу по подъему культурного уровня населения. В этих целях в начале 30-х годов был организован трест «Таджикзолото». В пределах Вахно-Боло трест открыл два скупочных пункта — в кишлаках Сангвор и Лоджирк. Сюда старатели сдавали золото, намытое в Вахно-Боло, а также в других районах. Золото оценивалось по существующему курсу, и старатели получали необходимые им товары в соответствующем эквиваленте, в первую очередь мануфактуру, обувь, чай, сахар, а также пшеницу или муку (пшеница отпускалась из расчета 30% стоимости сдаваемого золота).

⁹ По словам автора анонимной заметки «Золотопромышленность в Туркестанском крае» (стр. 192), при снятии коврика со станка его свертывали поперечными складками (плоили), при этом блюдо, на которое клали коврик, должно было быть по длине не уже ширины коврика.

¹⁰ Намытое старателями золото сдавалось эмирским чиновникам из расчета в среднем 4 р. 90 к. золотник (Д. Н. Логофет, Указ. раб., стр. 79).

¹¹ См., например, А. Шишов, Указ. раб., стр. 211.

Рис. 4. Промывка золота (колл. МАЭ, № И 58-137)

Рис. 5. Промывка золота артелью (колл. МАЭ, № И 58-142)

Трест приступил также к организации крупных артелей (до 50 и даже до 75 рабочих), которые в процессе работы делились на мелкие группы. Объединение старателей в крупные артели рассматривалось как форма коллективного труда, способствовавшая повышению его производительности. С артелями трест заключал коллективные договоры, в которые включались и пункты о снабжении старателей спецодеждой и обувью. В договорах предусматривалось премирование старателей, перевыполнивших установленные планы. Премирование производилось промтоварами и пшеницей, в чем старатели были весьма заинтересованы. Между артелями заключались договоры социалистического соревнования. Трест организовал в Сангворе женскую артель по выделке ковриков, в которую в первую очередь принимались жены бедняков и вдовы.

Трестом стали вводиться и более усовершенствованные методы золотодобычи: были завезены бутары — *мошин*, гидромониторы (применялись они в основном на разработках по реке Сари-Об). Работой с применением новой техники руководили русские инструкторы-специалисты, а для подготовки специалистов из среды местного населения в кишлаке Сангвор были организованы курсы горных десятников. На этих курсах, помимо технических знаний, слушатели получали и общеобразовательную подготовку по родному языку, арифметике, естествознанию, географии. Постепенно налаживалось хозяйственное и культурное обслуживание старателей. В 1932 г. число старателей составило 814 человек в Вахио-Боло и 148 человек по Сари-Обу; часть из них по-прежнему ходила на работу в отдаленные районы, в том числе и в районы киргизских кочевий Припамирья.

Эти мероприятия привели к тому, что таджик — житель суровых высокогорных районов, вынужденный до установления Советской власти из-за недостатка земли уходить на заработки далеко от родных краев, был освобожден от угрозы эксплуатации и произвола эмирских чиновников и мог отдаваться производительному и доходному для него труду вблизи родного дома, лишь изредка направляясь для промывки золота в более отдаленные районы. Естественно, что чем меньше был занят крестьянин в том же Вахио-Боло в сельском хозяйстве, тем больше времени он мог уделять золотодобыче, поэтому в этот промысел вовлекались главным образом маломощные слои крестьянства, образовывавшие резерв для формирования кадров рабочего класса. Таким образом, организация треста «Таджикзолото» на определенном этапе советизации края сыграла положительную роль в подъеме экономического благосостояния и повышении культурного и политического уровня населения этих некогда отдаленных окраин.

Однако уже к концу 30-х годов старательские промыслы в горном Таджикистане стали терять свое значение. Во-первых, районы горного Таджикистана, особенно при применении в основном кустарного труда, не являлись перспективными в отношении добычи золота по сравнению с вновь открытыми и осваиваемыми месторождениями в других районах Советского Союза. Во-вторых, начавшаяся в горных районах Таджикистана коллективизация сельского хозяйства и вовлечение в связи с этим населения в общественное производство, нуждавшееся в мужских рабочих руках, вызывали все усиливавшийся отлив крестьян из старательского промысла. А главное, бурный рост коллективизации в других районах республики и развитие основной отрасли сельского хозяйства — хлопководства привели к тому, что значительная часть горцев-таджиков нашла для себя более выгодным переселиться на вновь освоенные и осваиваемые земли в равнинных районах, где они живут сейчас зажиточной и культурной жизнью.
